

Ю. КАРАСИК

Логика ленинской мысли

<Фрагмент>

<...> Самая большая сложность заключалась, конечно, в решении образа Ленина.

Мне кажется неприемлемым и противоречащим сути образа взгляд на Ленина как на некоего сверхчеловека, вознесенного над миром, отделенного от буднего человеческого существования стеной собственного величия, окруженного внимающими ему в непрерывном изумлении людьми. Столь же неприемлема, по-моему, позиция какого бы то ни было умиления обычными человеческими чертами и поступками великого человека: «Гляди-ка, великий, а ведь почти как мы...».

Нам представлялся единственно правильным «ленинский», как мы определили его для себя, взгляд на Ленина. Хотелось, чтобы Ленин в фильме был безраздельно отдан тем великим делам, которые составляли сущность всей его жизни. Именно в делах может быть по-настоящему раскрыта многогранная личность Ильича.

Мы были убеждены: чем крупнее и отчетливее проявится самостоятельность и глубина мышления Свердлова¹, Дзержинского², тем крупнее в результате будет образ человека, умевшего с таким тактом и дальновидностью объединить и поставить на службу общему великому делу все эти незауряднейшие индивидуальности.

Так, например, в сценах, условно именуемых нами «чичеринскими», нарком иностранных дел становился как бы главным действующим лицом для Ленина и для зрителя. И мы старались выразить это даже самым построением мизансцены, поместив в центр кадра Чичерина³, за которым зритель внимательно наблюдает как бы глазами Ленина.

Огромное напряжение ленинского интеллекта, сосредоточенность всех жизненных сил, полная и безграничная подчиненность великой цели в каждый данный момент и в каждую секунду —

что бы он ни делал и о чем бы ни говорил — вот черты, которые были для нас главными, определяющими. И, наконец, сознание огромной ответственности, ни на миг не покидавшее этот великий ум... Нам казалось, что самое интересное именно в том, что бы следить за процессом рождения и развития ленинской мысли, ее поворотами, оттенками чувств. При просмотрах материала нас нередко упрекали, что выступления Ленина порой лишены привычных и ощутимых даже в кадрах кинохроники мимики, жестов. Мы видели эту хронику, снятую, как правило, на огромных митингах, которые действительно требовали повышенной амплитуды внешнего выражения: жестикуляции, мимики, голосового напряжения. Однако главное, отличавшее Ленина-трибуна, прежде всего не в этом. Вот как описывает речь Ленина в эти годы Семашко⁴: «Никогда его речь не была цветиста, не было в ней ни одной вычурной фразы... жесты вовсе не были размахистыми... Помоему, обаяние его было в искренности, в отсутствии шаблона, в железной логике и громадном уме».

«Шестое июля», в сущности, монодрама. Ленин все время в кадре. Как распределять краски, избежать однотонности, выразить всю многосложность ленинского восприятия событий?

Партитуру роли мы с артистом Юрием Кауровым⁵ стремились разработать так, чтобы каждый эпизод обязательно нес нечто новое, обогащал наше представление о ленинском интеллекте. И именно это новое определяло право каждого эпизода на существование.

Ленин в фильме неоднократно на наших глазах получает известия, реакция на которые умозрительно предопределена: убит Мирбах⁶, арестован Дзержинский, восстали левые эсеры, арестован Лапис⁷, мятеж в Ярославле и т. д... Но подлинные конкретные проявления человеческих чувств всегда неожиданны и неповторимы. Вот две рядом стоящие сцены: Ленин узнает о кровавом восстании в Ярославле, и Ленин узнает об аресте Дзержинского. И то, и другое сообщения говорят о смертельной опасности для молодой республики. И то, и другое сообщения не могут не вызвать гнев и возмущение. Но если в первом случае основной реакцией были действительно гнев и возмущение, находившие выход в решительных и беспощадных действиях, то во втором такая реакция не выражала бы сложность и особенность ситуации и ленинского к ней отношения. Здесь Ленин сталкивается с чем-то для него трудно постижимым. Он долго сидит молча. Он глубоко потрясен.

Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год и тысяча девятьсот восемнадцатый... Вероятно, полвека — все-таки очень небольшой исторический срок. Во всяком случае, когда мы снимали

наш фильм о событиях шестого июля 1918 года, нас ни на секунду не покидало ощущение, что мы делаем фильм о том, что волнует людей и сегодня. Было важно разоблачить не просто эсеров, а эсеровщину, то есть мелкобуржуазный политический авантюризм, в какие бы одежды его ни рядили сегодня.

История становится вдохновляющим материалом только тогда, когда ощутима живая связь с современностью. К этому направлены наши поиски. Вот о чем думаем мы, начиная новую работу.

